

Научная статья
УДК 347.6
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-102-109>

Защита имущественных интересов несовершеннолетних детей в контексте реформы института супружеской собственности

Першина Ирина Викторовна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, irina150477@yandex.ru

Аннотация. Автором анализируются актуальные вопросы обеспечения имущественных интересов детей и заслуживающих внимания интересов супруга в контексте изменения подходов к пониманию супружеской собственности, согласования механизмов их регулирования нормами гражданского и семейного права.

Отмечается отсутствие концептуально единого понимания имущественного положения ребенка в семье, правовой природы его права на пользование имуществом родителей, что при изолированном рассмотрении и разрешении дел об алиментах и разделе совместной собственности супругов оставляет без учета имущественные интересы общих детей.

Предлагается установить иной подход к обоснованию судом возможности отступления от принципа равенства долей супругов, а также в семейном законодательстве установить возможность соглашения о выплате компенсации за долю выделяющегося супруга с учетом жилищных прав ребенка и объема алиментных обязательств, дохода семьи либо приостановления раздела совместно нажитого имущества, обеспечивающего имущественные интересы ребенка, до его совершеннолетия.

Ключевые слова: имущественные интересы детей, заслуживающие внимания интересы супруга, совместная собственность супругов, алиментные обязательства, равенство долей

Для цитирования: Першина И. В. Защита имущественных интересов несовершеннолетних детей в контексте реформы института супружеской собственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 102—109. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-102-109>.

Original article

Protection of property interests of minor children in the context of the reform of the institution of marital property

Irina V. Pershina

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, irina150477@yandex.ru

Abstract. The author analyzes topical issues of ensuring the property interests of children and the interests of the spouse that deserve attention in the context of changing approaches to understanding marital property, coordinating mechanisms for their regulation by the norms of civil and family law. It is noted that there is no conceptually unified understanding of the property status of the child in the family, the legal nature of his right to use the property of his parents, which, with isolated consideration and resolution of alimony cases and the division of joint property of spouses, leaves the property interests of common children without consideration.

It is proposed to establish a different approach to the justification by the court of the possibility of derogation from the principle of equality of the spouses' shares, as well as in family legislation to establish the possibility of an agreement on payment of compensation for the share of the allocated spouse, taking into account the child's housing rights and the amount of alimony obligations, family income or suspension of the division of jointly acquired property, ensuring the property interests of the child, until his majority.

© Першина И. В., 2022

Keywords: property interests of children, noteworthy interests of the spouse, joint property of spouses, alimony obligations, equality of shares

For citation: Pershina I. V. Protection of property interests of minor children in the context of the reform of the institution of marital property. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4 (60), pp. 102—109. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-102-109>.

Исторически сложилось, что в сложные неоднозначные времена приоритетной становится задача объединения перед лицом внешних угроз. На первый план выходят публичные, общезначимые интересы, в то время как частные интересы и вопросы оптимизации их правового регулирования отходят на второй план. С этих позиций концептуальное переосмысление основополагающих институтов семейного права, регулирующих имущественные интересы супругов и детей и реформирование семейного законодательства может показаться несвоевременным. Но это не так. Отнесение интереса к частному либо публичному в рамках материального критерия разграничения определяется не столько его носителем, сколько характером и значимостью самого интереса [1, с. 11—16]. С этих позиций очевидно, что стабильность имущественных прав несовершеннолетних детей в рамках баланса интересов всех членов семьи — это не столько частный вопрос семейного права, сколько, в условиях всемерной поддержки семьи материнства и детства, важнейшая составляющая всей социальной демографической политики государства.

Не замахиваясь на обсуждение всех острых вопросов регулирования имущественных семейных правоотношений, задача данного исследования видится в том, что бы наглядно показать, что самоустранение законодателя от детальной проработки проблемных вопросов, преобладание декларативных норм и оценочных неопределенных категорий на фоне широких дискреционных полномочий суда приводит к умалению имущественных прав несовершеннолетних детей в спорах о разделе совместной собственности супругов и предложить возможные выходы.

В начале дискуссии следует обозначить тезис о совершенно несоответствующем современным реалиям состоянии семейного законодательства в части регулирования имущественных отношений супругов и концептуального понимания что есть совместная собственность.

Исторически сложившееся с советских времен и рецепированное российским законодательством консервативное регулирование подхода к имущественным отношениям супругов

исключительно с позиций вещно-правового института совместной собственности было расчитано достаточно скромную личную собственность супругов и традиционную роль женщины в семье, значительную часть времени лишенную возможности участвовать в формировании имущества семьи. В современных условиях появление в частной собственности супругов таких активов, как результаты интеллектуальной собственности, доли участия в корпоративных юридических лицах, прав на информационные объекты, активное участие в кредитно-заемных обязательствах на фоне снятия количественных и качественных ограничений, пересмотр гендерных ролей в семье со всей очевидностью обнаружило принципиальную невозможность доктринального понимания что есть совместная собственность супругов с позиций исключительно вещного права как «совместно нажитые вещи». Объективно, без соответствующих изменений в части расширения сферы правового регулирования имущественных отношений в семье подотраслями и институтами корпоративного и обязательственного права, права интеллектуальной собственности осуществление совместно этих прав супругами и особенно раздел этих активов невозможен [2].

В Семейном кодексе Российской Федерации (далее — СК РФ) в настоящее время разделу совместно нажитого имущества супругов посвящены лишь две скупые статьи (ст. 38 и 39 СК РФ). Фундаментального обзора судебной практики, содержащего разъяснения и рекомендации высшей судебной инстанции по вопросам совместной собственности нет — только принятое еще в 1998 году постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», которое практически не содержит актуальных на данный момент разъяснений (его последняя редакция была от 2007 г.) [3].

Назревшая необходимость унификации норм гражданского и семейного законодательства подвигла научное сообщество к созданию и внесению в 2019 году в Государственную Думу законопроекта (далее — Проект),

предусматривающего серьезные изменения в правовом режиме супружеской собственности, по сути первого глобального за 25 лет действия Семейного кодекса [4]. По замыслу разработчиков все имущество должно признаваться имущественным комплексом активов и пассивов (по аналогии с конкурсной массой) и подлежать разделу одновременно в случае заявления такого требования с учетом интересов третьих лиц, кредиторов и приданием институту супружеской собственности публичной достоверности путем регистрации прав и обременений [5, с. 20—32].

Вопреки стереотипу, имущество семьи — это отнюдь не частное дело двоих. Задача разработчиков реформы в первую очередь состояла в защите интересов третьих лиц — добросовестных приобретателей имущества, находящегося в совместной собственности, но отчужденного без согласия второго супруга и вынужденных отбиваться от виндикационного иска либо признания сделки недействительной и применения реституции, кредиторов, пытающихся получить причитающееся супругов в рамках исполнительного производства и дел о банкротстве и иных лиц. К сожалению, как это часто бывает, благая идея в силу общественного резонанса провалилась и все свелось лишь к единственному изменению статьи 39 СК РФ о возможности отступления от равенства долей в случае совершения недействительной сделки одним из супругов [6].

Но для нас в рамках данного исследования важно другое — ни в данном Проекте, ни в монографиях, посвященных собственности супругов, и научных дискуссиях сколь либо серьезно не поднимается вопрос о роли и механизмах защиты, обеспечения имущественных интересов детей в контексте проблем осуществления и раздела совместной собственности. Складывается ощущение, что только интересы кредиторов, которые могут активно отстаивать свою позицию в суде, заслуживают внимания. В то время как базовые потребности детей в обеспечении возможности пользоваться имуществом родителей игнорируются в силу прочно укоренившегося принципа раздельности имущества — «ребенок не имеет права собственности на имущество родителей, родители не имеют права собственности на имущество ребенка» (п. 4 ст. 60 СК РФ). Данная норма вполне справедливо декларирует раздельность лишь права собственности, в то время как ее продолжение «дети и родители, проживающие совместно, могут владеть и пользоваться имуществом друг друга

по взаимному согласию» не имеет сколь-либо определенного юридического содержания. Следует констатировать отсутствие единого концептуального понимания и с позиций гражданского и семейного права объема и содержания всей совокупности имущественных прав ребенка в семье — как алиментных, так и прав в отношении имущества родителей.

Традиционно в рамках семейных отношений считается, что имущественные интересы детей обеспечиваются исключительно путем установления алиментных обязанностей родителей с целью удовлетворения ежедневных бытовых нужд ребенка. Их размер формально определен и зависит исключительно от доходов алиментнообязанного лица, а не от реальных потребностей их получателя, также не предусмотрен какой-либо контроль за целевым их расходованием. В то же время алиментные обязательства по методу регулирования имеют публично-правовую императивную природу и на них, несмотря на терминологию, не распространяются нормы обязательственного гражданского права, регулирующие, скажем, обеспечение исполнения или такие основания прекращения, как отступное и новация. Так, несмотря на то, что в статью 414 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) в 2015 году внесены изменения, устранившие прямой запрет на новацию личных обязательств в том числе алиментных, он продолжает существовать на практике как в отношении установленных судом, так и договорных алиментных обязательств. Считается, что это денежные средства детей, и поэтому какие-либо действия и соглашения родителей, влекущие отказ либо уменьшение прав на получение содержания, недействительны. В то же время отделить, скажем, денежные средства родителя и алименты на ребенка, находящиеся в одном кошельке, а также определить, сколько и кем на него потрачено, весьма затруднительно. Данный вывод важен для дальнейшего рассмотрения — в реальной жизни раздельный характер имущества родителей и детей является весьма условным.

Процессуальной формой реализации прав на получение алиментов является в большинстве случаев выдача судебного приказа, однако общеизвестно, что это не гарантирует получения средств при неофициальном трудоустройстве и распространенном явлении уклонения от уплаты. Единственными правовыми механизмами, понуждающими к исполнению, является начисление неустойки, возмещение убытков и привлечение к уголовной и

административной ответственности, но и они по аналогии с функциями способов обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве лишь стимулируют к надлежащему исполнению алиментнообязанное лицо, но не позволяют восстановить нарушенные права за счет иного имущества и не гарантируют получение. Иначе говоря, гарантированность присуждения не означает гарантированности получения — никаких иных механизмов, аналогичных, например, в гражданских обязательствах правам залоговых кредиторов, ретентора в отношении совместно нажитого имущества действующее законодательство не предусматривает. Никаких возможностей учесть задолженность по уплате алиментов при разделе совместной собственности супругов закон не предусматривает.

Второе, чем обеспечиваются имущественные интересы ребенка в семье — это возможность пользования имуществом родителей для удовлетворения базовых потребностей, в первую очередь в обеспечении жилым помещением. Если ребенок не является собственником жилого помещения, в котором проживает (а стать им он может как по общегражданским основаниям: получение в дар, наследство и т. д., так и с использованием особых оснований, предусмотренных исключительно для приобретения жилых помещений — приватизация и приобретение с использованием средств материнского капитала [7, с. 26—28]) то предполагается, что он имеет правовые основания пользования жильем родителей в силу статьи 54 СК РФ. В то же время юридическая природа этого права совершенно неопределенна — является ли оно ограниченным вещным правом или же относится к области обязательственных отношений (например, безвозмездному пользованию), в силу каких юридических фактов возникает и прекращается, каков его объем и возможности обеспечения. В силу открытости перечня ограниченных вещных прав, закрепленных в статье 216 ГК РФ можно было бы признать их таковыми, если бы не трудности с реализацией основного признака — сохранения вещного права при переходе права собственности на имущество к другим лицам. Формально, если жилое помещение находится в личной собственности, скажем, главы семейства, то ребенок продолжает быть членом семьи — при разводе бывшим супругом, но не ребенком. Следовательно, она, являясь бывшим членом семьи собственника, утрачивает право пользования, а ребенок, оставленный с ней по суду, сохраняет, поскольку бывшим при разводе не становится и как разрешить эту

коллизию не вполне ясно. Однако при отчуждении такого «обремененного» жилого помещения в силу статьи 292 ГК РФ получение согласия органов опеки, законных представителей, самого ребенка не требуется, что ставит под сомнение реальную возможность сохранения за последним права пользования [8, с. 7—9].

Если же мы имеем ситуацию раздела находящегося в совместной собственности жилого помещения супругами то несовершеннолетние дети имеют фактическое право пользования лишь долей того из родителей, на чьем попечении они остались. В пункте 2 статьи 39 СК РФ закреплена возможность отступить от принципа равенства долей супругов в их общем имуществе «...исходя из интересов несовершеннолетних детей и (или) исходя из заслуживающего внимания интереса одного из супругов, в частности, в случаях, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или совершал недобросовестные действия, которые привели к уменьшению общего имущества...» [9].

Ни закон, ни обобщения судебной практики не содержат перечня заслуживающих внимания интересов несовершеннолетних детей, с учетом которых суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в общем имуществе. Предполагается, что указанные причины (обстоятельства) устанавливаются судом в каждом конкретном случае с учетом представленных сторонами доказательств. Под заслуживающими внимания интересами одного из супругов в судебной практике понимаются случаи, когда один из супругов по состоянию здоровья или по иным не зависящим от него обстоятельствам лишен возможности получать доход от трудовой деятельности. В любом случае суд обязан привести в решении мотивы отступления от начала равенства долей супругов в их общем имуществе, обосновав каким образом увеличение доли одного супруга отвечает интересам детей [10].

Мы убеждены, что в существующей ситуации правового вакуума переложение ответственности на суд первой инстанции за любое отступление от презумпции равенства долей, сопряженное с обязательной мотивировкой принятого решения, неэффективно. Стороне, претендующей на увеличение доли, убедительно объяснить суду, как негативно повлияет раздел имущества родителей на интересы детей, не получается. На практике это привело к тому, что суды в подавляющем большинстве случаев следуют букве закона, ограничиваясь

формулировкой «оснований для отступления от равенства нет», и крайне редко отступают от принципа равенства долей — отказать проще, чем мотивировать иное решение.

Принципиально следует акцентировать внимание на следующем: увеличение доли супруги в силу принципа раздельности собственности не повлечет увеличение имущественных активов ребенка, на них претендовать он не сможет в любом случае (разумеется, до момента наследования, если к тому времени имущество сохранится). В то же время совершенно упускается из виду важный факт условности такого разграничения по причине постоянной трансформации имущества родителей и несовершеннолетних детей. Особенно заметно это в отношении предметов потребления и обычного домашнего семейного использования — те самые детские вещи, упоминаемые в пункте 5 статьи 38 СК РФ — это чуть ранее денежные средства его родителей. Также совершенно очевидно, что жилое помещение, дачные дома, транспортные средства, относящиеся к совместно нажитому супругами, должны обеспечивать достойный уровень жизни ребенка, реализации его потребностей в отдыхе, жилье, перемещении. Однако при их разделе и переходе половины этого имущества в собственность второго супруга ребенок оказывается лишен возможности пользования им, хотя обязанность равным образом участвовать в содержании, воспитании, образовании ребенка продолжает оставаться общей. Да, в отношении общих детей именно общей, а не личной, как трактуется некоторыми учеными в рамках изолированного исследования вопросов алиментов и правового режима имущества супругов [11]. Очевидно, например, что при недостаточности алиментного содержания супруга будет тратить свои собственные денежные средства при необходимости обеспечить достойный уровень благосостояния ребенка, реализуя или сдавая в аренду иное свое имущество. Практикой Верховного суда Российской Федерации подтверждается, что при достижении детьми возраста 18 лет право на получении образовавшейся задолженности по алиментам имеет мать (взыскатель в исполнительном производстве), которая фактически единолично все годы несла расходы на содержание общих с должником детей и возврат судебным приставом исполнительного листа с рекомендацией подать на взыскание самими детьми является незаконным [12].

При таком всестороннем понимании сущности вопроса заслуживающие внимания

интересы супруга предстают уже не только как его сугубо личные, но как интересы заботы о детях, а значит отступление от равенства долей с учетом имущественного положения семьи позволит создать ту имущественную основу, говоря языком экономистов, «финансовую подушку безопасности», которая позволит в дальнейшем компенсировать отсутствие должного участия ушедшего родителя и предупредить возможные злоупотребления им своим правом в отношении доли в разделенном имуществе.

Показателен следующий, отнюдь не единственный пример судебной практики: бывший супруг претендует на равную долю при разделе жилого помещения с бывшей супругой, в одиночку воспитывающей их совместного несовершеннолетнего сына инвалида. Суды первой и апелляционной инстанции не нашли уважительными причины увеличить ее долю, несмотря на очевидность доводов — задолженность по уплате алиментов со стороны истца, полное отсутствие участия в воспитании и содержании ребенка. И лишь Верховный Суд Российской Федерации, направляя дело на новое рассмотрение, обратил внимание, что после раздела спорного жилого помещения заявительница сможет приобрести лишь однокомнатную квартиру «со всеми неудобствами», а проживание с сыном-инвалидом, находящимся на домашнем обучении, и его нормальное воспитание в таких условиях крайне затруднительно [13]. Получается, что само по себе установление равных долей не влияет на возможность дальнейшего проживания детей, но правоприменители в большинстве случаев не учитывают последствия уже гражданско-правового характера установления долевой собственности на жилое помещение, а именно возможность бывшего супруга вселить иных лиц, создать невыносимые условия совместного проживания. При этом, в случае последующей вынужденной продажи квартиры с целью раздела, приобретение иного достойного жилья на вырученные от продажи «равной» доли средства невозможно.

Схожая ситуация ущемления имущественных прав ребенка может сложиться и в случае, когда супругами достигнуто неформальное соглашение по принципу: «супруг не подает на раздел квартиры — супруга не подает на алименты». Объективные причины для законного представителя ребенка очевидны — лучше не претендовать на незначительные суммы алиментов, чем оказаться на улице. Формально такая договоренность юридической силы иметь не может, ибо отказ от прав на алименты

ничтожен. Вариантом могло бы стать нотариально удостоверенное алиментное соглашение, но его потенциал пока не может быть реализован по ряду причин, в основном, связанных с их императивным характером алиментов и непроработанностью правовой базы (размер алиментов не может быть ниже законного, а установление всех источников дохода нотариусом затруднительно). Несправедливость в первую очередь по отношению к имущественным правам детей состоит в том, что супруг спустя несколько лет может передумать и подать на раздел, поскольку требования о разделе ограничены сроком исковой давности, который составляет 3 года, но исчисляется он не с момента расторжения брака, а с трудноопределимого момента «когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права» (п. 1 ст. 200 ГК РФ) [14, С. 318—327]. В силу презумпции имущества как совместно нажитого и равенства долей бывший супруг получит половину (по цене на момент раздела, а недвижимость, как известно только дорожает), в то время как взыскать с него алименты за три предшествующих года, предшествующие возможно, только если «до обращения в суд принимались меры к получению средств на содержание, но алименты не были получены вследствие уклонения лица, обязанного уплачивать алименты, от их уплаты» (п. 2 ст. 107 СК РФ). Объяснить, по какой причине права ребенка на получение содержания, публичные и незыблемые по своей природе, ставятся в зависимость от совершения действий по их получению законным представителем, сложно. В этом смысле получатель алиментов оказывается даже в худшем положении, чем скажем кредитная организация, которая имеет юридически обеспеченную возможность принудительного взыскания задолженности по заемным отношениям, накручивая штрафные санкции в любое время в пределах трех лет, а получателю алиментов необходимо доказать свои попытки по взысканию алиментов. Конституционный суд Российской Федерации, признавая законность пункта 2 статьи 107 СК РФ, не дал разъяснений и ограничился стандартной формулировкой, что эти нормы «направлены на обеспечение баланса интересов несовершеннолетних детей и их родителей в рамках алиментных отношений» [15]. Полагаем, существование данной нормы неоправданным и требует пересмотра.

Таким образом, следует очевидный вывод — изолированность и пробельность норм гражданского и семейного права, регулирующих

имущественные права детей при осуществлении и разделе совместно нажитого имущества супругов (родителей), на фоне отсутствия механизмов гарантированности получения алиментного содержания и изолированного рассмотрения судом этих двух категорий споров не позволяет в настоящее время реализовать принцип приоритетной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних членов семьи, закрепленный в пункте 3 статьи 1 СК РФ.

Разумную, но не реализованную идею Проекта о целесообразности раздела не одной недвижимой вещи, но одновременно всего нажитого имущества супругами в широком смысле слова как комплекса активов и пассивов следует дополнить необходимостью учета судом имущественных прав совместных несовершеннолетних детей. Разрешая вопрос о том, каким образом и за счет какой части общего имущества будут погашаться долги перед кредиторами бывших супругов в первую очередь с учетом иерархии интересов и их социального значения, следует озадачиться вопросом о том, за счет какого имущества будут обеспечены потребности их общих детей.

В заключение хотелось бы внести предложение о закреплении на законодательном уровне дефиниции понятий «интересы детей», «заслуживающие внимания интересы супруга» как критериев отступа от равенства долей в целях изменения судебной практики, возложив на суд обязанность при рассмотрении дел о разделе указывать, каким образом при сохранении равенства долей учтены имущественные интересы детей, и особенно жилищные права. Также при рассмотрении дел о разделе совместно нажитого необходимо учитывать задолженность по алиментам и то, насколько их размер соотносится с возможностью обеспечить достойный уровень жизни общего несовершеннолетнего ребенка (детей), указав это в качестве критерия для отступления от указанного равенства долей в пункте 2 статьи 39 СК РФ.

При разделе единственного жилого помещения, находящегося в собственности супругов (с учетом, по аналогии с жилищным правом, жилых помещений, находящихся в собственности либо пользовании членов семьи каждого из бывших супругов и их налогооблагаемого имущества) в семейном законодательстве в статье 38 СК РФ целесообразно предусмотреть возможность заключения мирового соглашения о выплате в рассрочку компенсации супругу, претендующему на раздел, с тем, чтобы жилье осталось во владении супруга с ребенком, но

при этом остающийся после удержания ежемесячной компенсации доход был не ниже прожиточного минимума на каждого.

Если же их доход не позволяет выплачивать такую компенсацию, возможным выходом было бы по аналогии с семейным законодательством Италии, отложение спора о разделе единственного жилого помещения в котором проживает общий ребенок бывших супругов, до достижения им совершеннолетия, если вырученные от его реализации средства не позволяют приобрести раздельное жилье.

Подводя итог, можно констатировать, что правовые нормы, регулирующие семейные отношения, действительно традиционно относятся к достаточно консервативной области правового регулирования, но частный характер отношений отнюдь не повод оставить значимые для каждого человека ценности без должного правового регулирования и защиты.

Список источников

1. Черепяхин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве. М., 1994.
2. Егоров А. В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930—2020) / А. Г. Архипова, А. В. Асосков, В. В. Безбах и др.; отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М.: Статут, 2020. 480 с.
3. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 (ред. от 6 февраля 2007 г.) // Российская газета. 1998. Ноябрь. № 219.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федерального закона № 835938-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 13.08.2022).
5. Крашенинников П., Михеева Л., Рассказова Н., Петров Е., Архипов Д., Федорова О., Алейникова В., Дергунова В. Реформа режима супружеской собственности // Закон. 2019. № 12.
6. О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 14 июля 2022 года № 310-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.08.2022).
7. Новикова И. И. Актуальные проблемы охраны права собственности несовершеннолетних // Нотариус. 2020. № 6.
8. Быкодорова А. Ф., Минина А. А., Богатырева А. Т. Защита интересов несовершеннолетних детей при разделе общего имущества супругов // Семейное и жилищное право. 2020. № 6.

9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (ред. от 4 августа 2022 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1, ст. 16.

10. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 (ред. от 6 февраля 2007 г.) // Российская газета. 1998. Ноябрь. № 219.

11. Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов. М.: Статут, 2005. 444 с.

12. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 марта 2018 года № 58-КГ17-19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.08.2022).

13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 41-КГ15-11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.08.2022).

14. Першина И. В. Исковая давность как средство защиты прав и законных интересов участников семейных споров // Четвертый конгресс цивилистов правоохранительных органов: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: сборник статей. М., 2022. С. 318—328.

15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Тихоновой Натальи Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта 1 статьи 81 и абзаца второго пункта 2 статьи 107 Семейного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2008 года 1033-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.08.2022).

References

1. Cherepakhin B. B. On the issue of private and public law. Moscow, 1994. (In Russ.)
2. Egorov A. V. Joint property of spouses: at a crossroads. Civil law of the social state: collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A. L. Makovsky (1930—2020) / A. G. Arkhipova, A. V. Asoskov, V. V. BezbaKh, etc.; ed. by V. V. Vitryansky, E. A. Sukhanov. Moscow: Statute Publ., 2020. 480 p. (In Russ.)
3. On the application of legislation by courts when considering cases of divorce Item 17 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 15 of November 5, 1998 (ed. of February 6, 2007). *Rossiyskaya Gazeta*, 1998, November, no. 219. (In Russ.)
4. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: draft federal law no. 835938-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

5. Krasheninnikov P., Mikheeva L., Rasskazova N., Petrov E., Arkhipov D., Fedorova O., Aleynikova V., Dergunova V. Reform of marital property regime. *Law*, 2019, no. 12. (In Russ.)

6. On Amendments to the Family Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: federal law no. 310-FZ of July 14, 2022. URL: <http://pravo.gov.ru/> (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

7. Novikova I. I. Actual problems of protection of property rights of minors. *Notary*, 2020, no. 6. (In Russ.)

8. Bykodorova A. F., Minina A. A., Bogatyreva A. T. Protection of the interests of minor children in the division of common property of spouses. *Family and housing law*, 2020, no. 6. (In Russ.)

9. The Family Code of the Russian Federation no. 223-FZ of December 29, 1995 (as amended of August 4, 2022) (with amendments and additions, intro in force from September 1, 2022). *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 1, art. 16. (In Russ.)

10. On the application of legislation by courts when considering cases of divorce: item 17 resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 15 of November, 5, 1998 (ed. of February 6, 2007). *Rossiyskaya Gazeta*, 1998, November, no. 219. (In Russ.)

11. Slepakova A. V. Legal relations of property of spouses. Moscow: Statute Publ., 2005. 444 p. (In Russ.)

12. The ruling of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation no. 58-KG 17-19 of March 2, 2018. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

13. Definition of the Judicial Board for civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation no. 41-KG15-11 of July 14, 2015. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

14. Pershina I. V. Statute of limitations as a means of protecting the rights and legitimate interests of participants in family disputes. The Fourth Congress of civil law enforcement officers: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: collection of articles. Moscow, 2022. Pp. 318—328. (In Russ.)

15. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Tikhonova Natalia Alexandrovna for violation of her constitutional rights by the provisions of paragraph 1 of Article 81 and paragraph 2 of paragraph 2 of Article 107 of the Family Code of the Russian Federation: the ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 1033-O-O of November 20, 2008. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

Информация об авторе

И. В. Першина — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

I. V. Pershina — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 05.09.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.